

Е.В. Купчик

ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРОЯ-АВТОРА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.М. ГОРОДНИЦКОГО В РАМКАХ МОДЕЛИ «ЧЕЛОВЕК - СУЩЕСТВО»

Произведения классиков авторской песни – «жанра», изначально личностного (и декларирующего эту *личность* в противовес *массовости*), выделяющего *Я* из безликого обобщенного *Мы*, характерного для официальной песенной поэзии времен становления и развития авторской песни, объединены вниманием к человеческой личности.

В поэзии Александра Городницкого герой-автор является субъектом ряда образных соответствий, отражающих его «родство» с предметами и явлениями разных областей мира. Представляется возможным говорить о метафоризации и в том случае, когда субъект и объект сопоставления принадлежат одной и той же предметной области, обозначая человека; при этом, однако, предполагается существенное различие двух составляющих модели «человек – человек» - например, несовпадение времени жизни сопоставляемых людей, вида их деятельности и т.д. Отметим, что количество черт как сходства, так и различия может быть значительным.

Сопоставления человека с человеком в поэтических текстах А.М. Городницкого [1; 2; 3; 4] основаны на сходстве значимых поступков, черт ха-

рактера, особенностей восприятия мира, жизненных ситуаций, судеб в целом и т.д. Реализации данной модели нередко включают антропонимы, что придает изображаемому конкретность и в то же время известную обобщенность, поскольку они являются значимыми пространственно-временными ориентирами. Имена поэтов и писателей, художников и мореплавателей, литературных и мифологических персонажей в поэзии Городницкого способствуют созданию обширного культурного фона.

Сопоставление «Я – другой человек» в текстах Городницкого нередко отражает литературную параллель, свидетельствуя о важности для героя именно «поэтических» координат. Автор-герой характеризует себя посредством образа художника слова того или иного времени. Основанием для сопоставления являются, например, детали биографии, особенности собственной или посторонней оценки, географическое положение и т.д., например: «Но медлю я, прикинув, как Овидий, / К родной земле...»; «Мне нравится, признаюсь честно, / Смотреть в редеющий туман, / Плывя, как некогда Случевский, / Через Индийский океан»; «Когда б я вздумал сеять хлеб / И поучать других при этом, / Я был бы, видимо, нелеп, / Как Кюхельбекер с пистолетом»; «Был и я обитатель Коломны, / Словно Пушкин когда-то и Блок»; «Я в сегодняшнем мире смешон, / Словно Надсон, живущий в Кронштадте»; «Не пошли, Господь, грозу мне / Тридцать лет прожить в тоске, / Словно Батюшков безумный, / Поселившийся в Москве».

Самохарактеристика героя-автора представлена в ряде сопоставлений его с представителями той или иной профессии, рода занятий. В передаче осмысления собственного места в жизни участвуют сопоставления героя с актером/персонажем и зрителем; театром при этом предстает мир, в котором живет герой, а кинофильмом – его жизнь. Определение собственного Я как актера появляется в одном из ранних стихотворений «Судовая роль», в котором А. Городницкий начиная с первых строк обыгрывает заглавное словосочетание, обозначающее список экипажа судна: «Роль судовая, привычная роль, / Мне ее смысл, как актеру, понятен: / Кем бы ты ни был на суше, приятель - / Текста придерживаться изволь». Герой с удовольствием играет ответственную ему роль на «судне-подмостках». Пребывание на корабле, выполнение определенных функций – не только привычный для А. Городницкого (на протяжении многих лет исследующего океан, участвовавшего во многих экспедициях) образ жизни, но и пример правильной – и желаемой – жизни: «Век бы не ведал я роли иной, / В небо смотрел бы, как древний философ... / Пусть, заглушая душевную боль, / В мире, открытом от оста до веста, / Роль судовая, привычная роль, / Определяет мне точное место». В написанном много лет спустя «Прощании с “Крузенштерном”» роль предстает доигран-

ной: «Сухопутный червяк, судовую утративший роль, / Я на берег схожу, как актер, покидающий сцену». Герой-автор видит себя и в качестве зрителя – когда, например, он вспоминает собственную жизнь или осмысливает историю человечества начиная с античности: «Я листаю альбомы, единственный зритель, / И смотрю своей жизни немое кино»; «И, словно зритель, позабывший, где я, / Кричу я в даль под вспышками комет: / - Не убивай детей своих, Медея! Не подходи к Тезею, Ликомед!».

Характеристика героя-автора как космонавта/астронавта отражает его представление об одиночестве в мире, которое – в зависимости от характера мира – получает разную авторскую оценку. Герои «Ночной вахты», в том числе и сам герой-автор, находясь наедине с океаном и небом, чувствуют, что они «как космонавты, одиноки, - / Созвездия вокруг и пустота». Однако это одиночество видится скорее отрадным, нежели тягостным: человек, созерцающий красоту воды и неба, ощущает себя ребенком, которого ласково баюкает океан. Совсем иное состояние испытывает герой «Возвращения», оказавшийся на непривлекательной «городской планете» в роли «заблудшего астронавта». В данном стихотворении из первого сборника А. Городницкого «Атланты» отражена традиционная для целого направления авторской песни оппозиция города как ограниченного, замкнутого пространства, в котором жизнь людей проходит в постоянной суете, и дальнего пути, вырывающего человека из привычной системы координат. Однако у Городницкого город и путь – это не только разные пространства, но и разные «системы времени». Путь продлевает молодость героя, открывая перед ним бесконечность пространства и времени: «А юность – с прежнею не схожая, / И жизни хватит на двоих, / И с каждым годом все моложе я / Давнишних сверстников моих».

Следует отметить, что герой-автор, характеризующий себя как странника, в ряде случаев подчеркивает значимость начального и конечного пунктов своего пути посредством описания соответствующих переживаний. Это прежде всего тоска по оставленному «родному» пространству – как, например, в «Прощай, моя Москва»: «Скорблю я о тебе, как путники скорбят, / Жду, как земля дождей засушливой порою». В качестве «родного» пространства может выступать нечто известное, привычное, например: «Я тоскую, как странник по дому, / По наивной системе Эвклида». Путь героя-автора может определяться как паломничество к дорогим для него местам и людям. В стихотворении «Из всех поэтов Кушнера люблю...» представлена развернутая мотивация отношения автора к Александру Кушнеру («...люблю / За старенький звонок у старой двери, / За то, что с детства он остался верен / Плывавшему над шпилем кораблю. / За то, что не меняет он друзей, / Что и живет он там как раз, где надо...») и его стихам (...другие / Во мне не вызывают ностальгии /

Туманную и вязкую тоску»). Герой стихотворения (А. Кушнер) предстает не только автором стихов и коренным жителем родного города А. Городницкого, но и подобием божества – потому к нему и возможно паломничество: «И я опять стремлюсь, как пилигрим, / Туда, где он колдует над тетрадкой, / И кажется не горькою, а сладкой / Вся жизнь моя, написанная им».

В ряде текстов А. Городницкого присутствует сопоставление героя-автора с тем, кто объективно отличается от него по возрасту. Герой, вся жизнь которого связана с освоением пространства, ощущает себя моложе своих «давнишних сверстников», живущих размеренной жизнью и «лысеющих заживо». Душевная молодость обусловлена вечными странствиями, свежими впечатлениями: «И рад я видеть в этот миг / Билет свой до Владивостока, / Как нерадивый ученик, / В кино сбегающий с урока». В позднем стихотворении «В царство призрачных видений...» образ такого ученика получает иное осмысление. Герой рассуждает о жизни и смерти, читая священную книгу: «Нерадивый ученик, / Чтобы сердце не болело / От похмельного питья, / Книгу справа и налево / Перелистываю я». Уподобление взрослого ребенку несет информацию о вечной неопытности человечества («С годами мы не делаемся старше - / В двадцатом веке все нам двадцать лет»), о неспособности людей осмыслить коренные вопросы и общечеловеческого бытия, и истории собственной страны, «увязать...минувших событий моменты»: «Что мы знаем о прошлом, не ведая мнений иных, / Перед алгеброй строгой теперь, как и прежде, младенцы?». В «Ночной вахте» слова «А нас качает, как младенца в ванной, / Ночная вахта в теплом океане, / Соленая и сладкая купель» следует понимать не только как описание движения судна на волнах: они отсылают читателя к одной из важнейших для А. Городницкого тем – родству человечества и океана. С *водой-купелью* семантически сближена *вода-колыбель* в «Эгейском море», где в роли младенца выступает вся людская цивилизация: «Нас качают ваши ласковые воды / Человечества цветная колыбель». Образ ребенка возникает и при обращении поэта к теме смерти: «Ну, а если в дороге я сгину, / Между гор чужеземных и рек, / Не заплачу о том, что покинул / Этот город постылый и век. / Я усну безмятежно, как дети, / Под стихающий крик петуха, / Убежденный, что где-то на свете / Существует страна Шемаха». Сопоставление с ребенком может выражать и некоторую авторскую самоиронию («Я был как первоклассник целомудрен»), и опасение, например: «Не пошли, Господь грозу мне.../ Стать обидчивым, как дети». Последнее сопоставление в контексте стихотворения «Батюшков» выражает мысль о деформации личности как результате болезни. Единичное уподобление себя старому человеку связано с состоянием, вызванным переоценкой обществом прежних ценностей: «Боюсь непрочитанных книг, / Гро-

зящих моим убеждениям. \ Так кости боится старик / Сломать неудачным паденьем».

Постоянным в творчестве А. Городницкого является уподобление героя-автора человеку, род занятий или образ жизни которого не является социально одобряемым – вору, зеку, диссиденту и т.д. Соответствующие образы связаны главным образом с реализацией темы одиночества – одной из основных в творчестве поэта. Герой неоднократно ощущает себя оставленным, отъединенным от других. Например, герой «Прощания с отцом», сознавая горькую истину – «Мой род сгорел, как листья на ветру, / Ушел в песок, не сохранив архивов», - дает себе характеристику: «И как Иван, не помнящий родства, / Я одинок, беспомощен и темен». Героя мучает сознание потери, утраты – будь то расставание с дорогим человеком или невозможность говорить на языке своего народа: «В чужом пиру похмельный гость, / С тобой прощаюсь торопливо»; «Потому и горюю в похмельной тоске, / Головой утыкаясь в ладони, / О родном недоступном теперь языке, / Словно бомж об утраченном доме». Герою знакомо ощущение враждебности со стороны окружающего мира, заставляющего человека почувствовать себя неполноценным – и беспомощным: «Еще ты, как слепой на паперти, / От власти милостыни ждешь, / А на тебя мясник из «Памяти» / Тупой натачивает нож»; «Только ты живешь бездарно / В неуютке темных комнат, / На Васильевском унылом, / Озираясь, словно тать». В стихотворении «Настырные и неустанные...» в качестве социально не одобряемой личности выступает человек – жертва воспитания, основанного на чуждой ему идеологии: «Вы были вдумчиво упрямы - / Чтобы ни сердца, ни ума./ Так на Арбате сносят храмы, / Чтоб строить новые дома. / Осуществив бесценный дар свой, / Довольны авторы вполне: / Во мне – чужое государство / С порядком, негодным мне./ И я, как вор порою ночью, / Крадусь к чужому рубежу / И все ищу своих сообщников, / Но их нигде не нахожу». В стихотворении «Розовый квартал в Амстердаме» разворачивается сопоставление поэта с представительницей древнейшей профессии: «Когда ты, бессловесный, словно мим, / Выходишь под прожекторы на сцену, / Изъянам и достоинствам твоим / Не ты – другие назначают цену. / Не так ли, беззащитен от скотов / И прихоти чужой покорен мигу, / Любому ты принадлежать готов, / Кто нехотя твою откроет книгу? / Не так ли обнажен и ты, поэт, / От кончиков ногтей до гениталий, / Как проститутка в розовом квартале,- / Кто хочет, купит, кто не хочет – нет». Внешняя немощь может оборачиваться внутренней содержательностью личности – в том, например, случае, когда человек сохраняет в памяти «пространство» собственной жизни: «Но над болью тупой, над окрестной унылой толпой / Мы осколки его в

нашей памяти прячем. / Так глаза к небесам поднимает слепой, / Замечая там что-то, не видное зрячим».

В составе реализаций модели «человек – существо» выделяется группа сопоставлений человека с божествами, персонажами библейской истории, с мифологическими существами. Если с божествами А. Городницкий сопоставляет тех, кто является авторитетом для него лично (например, Б. Слуцкий) или тех, чья «божественность» навязана государством (Сталин, многие забытые писатели советской эпохи), то сам герой-автор уподобляется библейскому или мифологическому персонажу. Имя такого персонажа в объектной части модели «человек – существо» обычно служит знаком, вызывающим в сознании читателя соответствующий образ, историю, ситуацию. В песне «Беженцы – листья» имя Лота важно для понимания описываемой ситуации, в том числе ее исхода. Герой, делающий свой выбор (не покидать родину), уподобляет себя объекту, в который превратилась женщина, оглянувшаяся на родной город: «Словно подруга печального Лота, / Камнем останусь на этой земле». Повторяющийся у поэта образ неразумного человечества (зачастую это обобщенное *Мы*, включающее и героя-автора), не умеющего познать ни собственное бытие, ни бытие окружающего мира, имеет разные образные соответствия, одно из которых – библейский персонаж: «Просыпаемся мы, как Иона во чреве кита, / Принимая за звезды присоски на стенках желудка». В стихотворении «Словно в танце замедленном, кружатся льды...» образ героя сказок участвует в развертывании темы вечности всего сущего: «Я люблю этот мир постоянных вещей, / Где кажусь я бессмертным себе, как Кашей, / Где всегда неизменны предметы».

Человек в поэзии Городницкого имеет соответствия и в мире представителей животного мира, осмысляясь зачастую посредством образа птицы. Такая птица неоднократно предстает усталой, нездоровой, печальной (образы Гоголя, Бродского и др.). Такой птице близок и сам герой-автор с его в целом пессимистичным мироощущением. Герой-«птица» ощущает себя изгоем, испытывает чувства тоски, неудовлетворенности: «Я остался с чужими на скотном дворе. / Незадачливый гадкий утенок»; «По зимним мерцающим дням / Грущу, как полярная птица»; «Предназначенный для счастья, / Словно страус для полета, / Я взираю безучастно / На коричневое фото». В «Памяти Юрия Визбора» уподоблением героев птицам передаются важные для поэта размышления о судьбе уходящего поколения бардов: «Нас не вспомнят в избранном, мы писали плохо, / Нет печальней участи первых петухов. / Вместе с Юрой Визбором кончилась эпоха, / Время нашей юности, песен и стихов».

Сопоставление человека с животным в текстах А. Городницкого появляется чаще всего при характеристике человека как хищного, агрессивного существа – таковы, например, «жестокие властители», «ревнитель чистых генов», «толпы» и т.п. Что касается героя-автора, то он оказывается либо существом-жертвой (без уточнения вида), либо антропоморфным созданием. Так, герой «Отражения» сравнивает себя со смотрящейся в зеркало обезьянкой. «Свой путь от нее недалекий итожа», видя свое постаревшее лицо, он вспоминает иные «зеркала» – реки и океаны в те времена, когда молодые герои «были своим отраженьем довольны».

Человек неоднократно осмысливается в поэзии Городницкого как обитатель вод, что мотивировано прежде всего «водным» происхождением человека («И мы когда-то были рыбы»). Уподобление героя-автора рыбе отмечается при описании подводного мира, видимого находящимся в батискафе героем: «На мир, как рыба, я глядел / Округлыми глазами». В «Пристанях пустых» герой вместе с другими людьми-рыбами, попавшими в «золотые невода», «лиственные сети» сентября, представляется плывущим «за временем вдогонку».

В мире насекомых человеку соответствуют муравьи, пчела, оса, бабочка, муха. Насекомым чаще всего уподобляется некая совокупность людей – в отличие от произведений Б. Окуджавы, где отдельный человек (автор-герой) уподобляется муравью, имеющему собственную судьбу. Основаниями сопоставления человека (в том числе героя-автора) с насекомым в текстах А. Городницкого являются малый размер, хрупкость, подверженность опасностям, особенности поведения. Герой-«муравей» обитает «над зыблущейся бездной», стремится «к правде горемычной, Как бабочки стремятся на огонь». Образ зыблущейся в окно мухи используется при характеристике состояния героя, не имеющего возможности осуществить свои желания: «Любовь к чужой неведомой земле / Томит меня, и нету с нею сладу. Я трепыхаюсь мухой на стекле, / Не одолев прозрачную преграду».

Реализации модели «человек – существо» применительно к герою-автору содержат информацию о месте человека среди людей, о многообразии связей между представителями разных сфер деятельности, возрастов и т.д., между людьми, живущими в разные эпохи. В зеркале образных соответствий находят отражение действия героя-автора, его перемещение в пространстве, выражение мыслей и эмоций, переживание разнообразных душевных состояний. Среди последних выделяется страдание; мотив страдания отражен в сопоставлениях героя с немощным стариком, опальным диссидентом, слепым, заключенным, гадким утенком и т.д. Причины этого состояния многообразны: одиночество, болезнь, ощущение не так прожитой жизни, аг-

рессивность других людей, самобичевание. Сопоставление героя с объектами одушевленного мира редко ограничивается внешним подобием, которое выступает показателем более значимого, глубинного сходства субъекта и объекта сопоставления. Уподобление героя другим представителям одушевленного мира наблюдается при обращении практически ко всем темам (и большинству мотивов) творчества Городницкого. В рассуждениях автора о жизни и смерти, любви и страданиях, будущем страны и мира, месте человека среди ему подобных и т.д. образным соответствиям в большинстве случаев отводится важная роль «концентрированного» выражения авторской мысли.

Список литературы

1. Городницкий А.М. Созвездие Рыбы. – СПб.: Нева - Девятый вал, 1997.
2. Городницкий А.М. Сочинения. - М.: Локид, 2000.
3. Городницкий А.М. Атланты: книга песен. – СПб.: Композитор – Санкт-Петербург, 2005.
4. Городницкий А.М. Гадание по ладони. – СПб.: Изд-во Фонда русской поэзии, 2006.
5. Городницкий А.М. Время для хора. – М.: Радуга, 2006.